

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-309-320>
EDN: SGNBFC

Научная статья / Research Article

Обоснование права на достойное существование в современной западной философии: проблемы и пути решения

Н.А. Шавеко

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
Nickolai_91@inbox.ru

Аннотация. Анализируются позиции современных западных философов относительно права на достойное человеческое существование, в частности основные линии критики данного права. Цель работы — ответить на вопрос о том, является ли право на достойное существование морально оправданным. Работа выполнена в рамках аналитического подхода и свойственной ему методологии. Автор выделяет несколько типов аргументации, высказываемой в западной литературе против права на достойное существование. Это, во-первых, отсылки к фактической невозможности гарантирования данного права и указание на отрицательные последствия реализации данного права, во-вторых, отрицание внедоговорных позитивных обязанностей, которые могли бы корреспондировать данному праву, в-третьих, проблематизация несовершенного характера позитивных обязанностей, корреспондирующих данному праву. Демонстрируется, эти возражения сами по себе недостаточны для того, чтобы отвергнуть право на достойное существование, однако они показывают, что на абстрактном уровне это право не может обосновываться лишь в «негативном» смысле, то есть как право, которому корреспондируют лишь негативные обязанности других лиц. Автор предлагает рассмотреть варианты решения проблем, породивших дискуссии о праве на достойное существование, вне дискурсов о правах человека. Так, моральное основания борьбы с бедностью и иными признаками «недостойного» существования возможно сформулировать путем применения к публичной сфере по аналогии категорий гражданского права — кондикции, деликта и договора, а также с учетом классических условий наступления юридической ответственности. Кроме того, моральное обоснование обеспечения некоторого «достойного» уровня существования достигается путем обращения к общим принципам справедливого распределения материальных благ (вне зависимости от того, что считать «достойным существованием»). Одним из таких принципов служит ролзовский принцип различия, не зависящий ни от представлений о человеке как «моральном агенте», которому требуется какой-то минимальный («достойный») уровень благосостояния, ни от понимания природы прав человека.

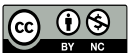
Ключевые слова: право на достойное существование, право на существование, права человека, социально-экономические права, достоинство, второе поколение прав человека

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 31 октября 2022 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2023 г.

© Шавеко Н.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Шавеко Н.А. Обоснование права на достойное существование в современной западной философии: проблемы и пути решения // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 2. С. 309—320. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-309-320>

Justification of the right to subsistence in contemporary Western philosophy: challenges and solutions

Nikolai A. Shaveko

Institute of philosophy and law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation
Nickolai_91@inbox.ru

Abstract. The article discusses the views of modern Western philosophers on the issue of socio-economic human rights, including the right to subsistence. The purpose of the work is to answer the question of whether the right to a decent life is morally justified. The work was carried out within the framework of the analytical approach and its inherent methodology. The author identifies several types of arguments expressed in Western literature against the right to a worthy existence. They are 1) actual impossibility of guaranteeing these rights; 2) denial of non-contractual positive obligations that could correspond to this right; 3) problematization of the imperfect nature of positive obligations corresponding to this law. It is shown that these objections in themselves are not sufficient to reject the right to a worthy existence, but they show that at the abstract level this right cannot be justified only in a “negative” sense, that is, as the right to which only the negative duties of others correspond. The author proposes to consider options for solving the problems that gave rise to discussions concerning the right to a dignified existence, outside of human rights discourse. Thus, the moral basis for the fight against poverty and other features of an “unworthy” existence can be formulated by applying to the public sphere (by analogy) the categories of civil law — condition, tort and contract, as well as taking into account the classical conditions for the onset of legal liability. Moreover, the moral justification for securing some “decent” level of existence is achieved by referring to the general principles of fair distribution of material wealth (regardless of what is considered a “decent existence”). One of these principles is the Rawlsian principle of difference, which does not depend either on the idea of a person as a “moral agent” who requires some kind of minimum (“worthy”) level of well-being, or on understanding of the human rights nature.

Key words: right to subsistence, freedom from poverty, right to basic necessities, human rights, socio-economic rights, dignity, second-generation human rights

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Article received 31st October 2022

Article accepted 15th April 2023

For citation:

Shaveko, N.A. (2023) Justification of the right to subsistence in contemporary Western philosophy: challenges and solutions. *RUDN Journal of Law*. 27 (2), 309—320. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-309-320>

Введение

Право на достойное человеческое существование активно обсуждалось в русской дореволюционной философии права. В последующем в связи с установлением власти большевиков соответствующий дискурс по идеологическим причинам был

прерван. Сегодня множество научных работ посвящено исследованию взглядов русских дореволюционных правоведов, провозглашавших указанное право в том или ином виде (П.И. Новгородцев, С.И. Гессен, И.А. Покровский, Б.А. Кистяковский). Однако анализу современных зарубежных дискурсов, в которых обсуждается схожая проблематика, уделяется крайне мало внимания. Между тем право на достойное существование следует изучать не только в историческом ключе. В современной западной философской литературе обсуждается, например, т.н. право на существование (*right to subsistence*), оно же — право на предметы первой необходимости (*right to basic necessities*), а также свобода от бедности (*freedom from poverty*). Соответствующие научные дискуссии являются важным источником (по меньшей мере, одним из основных) моральной аргументации в пользу социально-экономических прав человека. Отсюда право на достойное существование является важным предметом исследований в современной западной нормативной политической теории. Под данным правом обычно понимается некий минимум социальных благ, который необходимо гарантировать каждому человеку для поддержания «достойного» существования, при этом критерии «достойного» существования, «минимума» социальных благ обычно активно дебатировались. В данной статье мы не будем углубляться в проблематику критериев «достойного минимума», а попытаемся ответить на общий вопрос о том, является ли право на достойное существование морально обоснованным, и с этой целью проанализируем основные линии моральной критики данного права, сложившиеся в современной западной науке.

Проблема обеспечения права на достойное существование

Право на достойное существование в современной западной философии подвергается критике с различных позиций. Один из аргументов, выдвигаемых в рамках данной критики, состоит в том, чтобы показать невозможность гарантировать обеспечение указанного права по объективным причинам. Далеко не все государства, отмечают скептики, могут похвастаться высоким уровнем жизни своих граждан, позволяющим обеспечить требуемые социальные гарантии против «недостойного» (в первую очередь, крайне бедного) существования. Кроме того, даже если формально соответствующие возможности имеются, гарантия каждому права на достойное существование может потребовать такого перераспределения богатств, которое приведет к упадку всей культуры.

Типичным возражением к подобным аргументом является указание на тот факт, что те социальные бедствия, которые обусловлены крайней экономической бедностью, связаны, как правило, не с отсутствием материальных благ, а с неправильным их распределением, вызванным ошибками государственного управления и социального устройства. Фундаментальными в этом отношении являются работы Амартии Сена, исследовавшего наиболее известные случаи массового голода (Sen, 1982). Таким образом, поскольку право на достойное существование касается некоторых минимальных требований, ограничения на соблюдение данных требований являются не «жесткими» (логическими, физическими или биологическими), а «мягкими» (политическими, экономическими и культурными) (Gilbert, 2009:660). Схожим образом Томас Погге замечал, что лишь около 1% совокупного годового ВВП стран с высоким уровнем дохода потребуются для того, чтобы поднять уровень доходов каждого жителя Земли выше черты бедности Всемирного банка (Pogge, 2005). В свою очередь Джеймс Никел утверждает, что раз для большинства стран мира

(в частности, для стран первых двух квартилей по среднему индивидуальному доходу, а также для многих стран третьего квартиля) *de facto* обеспечить базовые социально-экономические права вполне реально, то эти права, в том числе право на достойное существование, нельзя рассматривать как слишком обременительные (Nickel, 2005:400).

Таким образом, если одни ученые говорят, что обеспечение каждому права на достойное существование — это весьма обременительная и даже утопичная инициатива, то другие ученые приводят аргументы в пользу ее возможности и реалистичности. Вместе с тем данные дискуссии, на наш взгляд, заменяют вопрос о нормативной обоснованности идеала вопросом о достижимости данного идеала. Ясно, что безусловно недостижимый идеал не может и называться идеалом. Но в остальном следует разграничивать эти два вопроса. С нормативной же точки зрения приведенные дискуссии лишь напоминают нам о том, что любое право человека требует для своего осуществления определенных условий, поэтому конкретное содержание этих прав относительно. Мы не можем обеспечить каждому человеку некий минимальный стандарт «достойного» существования при абсолютно любых условиях, но при существующем уровне развития допустимо говорить о некотором минимуме социально-экономических гарантий, который может быть обеспечен государствами, в том числе путем международного сотрудничества. Как признают многие мыслители, точное определение «достойного существования» зависит от множества конкретных обстоятельств (Novgorodtsev, 2010:316—319; Hessen, 1999:199), но все-таки принципиально обеспечение некоторого «минимума» возможно.

Проблема обоснованности «позитивных» субъективных прав

С учетом изложенного целесообразно рассмотреть другой аргумент, высказываемый в литературе против права на достойное существование. Дело в том, что некоторые противники данного права проводят различие между негативными и позитивными правами (первым корреспондируют лишь негативные обязанности, а вторым — также и позитивные), отрицая последние как таковые вне рамок конкретных (относительных) правоотношений, на которые участники этих правоотношений в той или иной форме выразили согласие. Иными словами, у нас не должно быть позитивных обязанностей по отношению к неопределенному кругу лиц (в т.н. абсолютных правоотношениях). Эти критики права на достойное существование указывают на то, что данное право (равно как и другие социально-экономические права) подразумевает общественное устройство, осуществляющее неоправданное вмешательство в индивидуальную свободу.

Указанный аргумент попытался опровергнуть Генри Шу, исходивший из ложности противопоставления негативных и позитивных прав (Shue, 1980:13, 32, 60). По его мнению, любые права имеют позитивно-негативную природу, предполагая три корреспондирующие обязанности: 1) (негативная) обязанность не лишать людей их благ; 2) (позитивная) обязанность защищать людей от таких лишений (во-первых, принуждая других людей к исполнению обязанности № 1, во-вторых, создавая институты, которые препятствуют возникновению стимулов для нарушения обязанности № 1); 3) (позитивная) обязанность помогать тем, кто подвергся таким лишениям (вследствие либо нарушений другими людьми обязанностей № 1 и № 2, либо природных бедствий). Поскольку как гражданско-политические, так

и социально-экономические права предполагают некоторые финансовые траты и общественные институты, нет никаких причин считать последнюю группу прав второй степенной.

На этом основании Шу отстаивал право на средства к существованию (*right to subsistence*), включая в него незагрязненную окружающую среду, достаточное питание, адекватную одежду и надлежащее жилье, а также на профилактическое медицинское обслуживание (Shue, 1980:23). Провозглашение этого права породило активные дебаты, в том числе относительно того, какие именно правомочия входят в названное право. Джеймс Никел, например, отмечает, что профилактическое медицинское обслуживание — слишком слабое требование (Nickel, 2005:386—388). Данный автор истолковывает право на средства к существованию как включающее право на «существование, базовое здравоохранение и базовое образование». Первое право включает воздух, еду и воду, жилье и одежду. Второе право должно обеспечивать нормальную продолжительность жизни, выживание в детстве и при родах, физическое и психическое здоровье. Третье право должно обеспечивать навыками, необходимыми для первых двух прав, а также для «гражданственности и продуктивности».

Так или иначе, изложенное понимание прав человека у Шу и Никела подразумевает наличие позитивных обязанностей тех или иных лиц применительно к каждому из прав, а не только по отношению к социально-экономическим правам (основой которых они видят право на достойное существование). По мнению данных авторов, если мы отвергаем право на достойное существование на том основании, что оно требует от других лиц позитивных обязанностей, то по той же логике нам следует либо отвергнуть и все остальные права человека.

Вместе с тем рассматриваемые авторы не учитывают, что возможно понимание любых прав человека как сугубо «негативных прав». В литературе, например, оспаривается точка зрения Шу, согласно которой реальная возможность использования права и наличие социальных гарантий использования права должны рассматриваться как составная часть самого понятия субъективного/морального права (Raune, 2008). Отсюда нормативный вывод, который мы можем сделать: право на достойное существование можно постулировать как минимум в качестве «негативного» права, и в этом случае оно будет означать лишь то, что каждый человек должен воздержаться от таких действий, которые с разумной долей вероятности приведут к тому, что существование других людей опустится ниже некоторого «достойного» уровня.

Возложение же иных обязанностей на людей, по всей видимости, требует дополнительного обоснования. В частности, необходимо связующее звено — государство, в (относительных) отношениях с которым у одних людей есть позитивные обязанности по предоставлению некоторых благ, а у других людей есть позитивные права требования этих благ. Но в той мере, в которой государство управляется демократически, сами люди и решают, какие блага создавать и как их перераспределять. Никаких безусловных позитивных прав человека быть не может.

Проблема неопределенности позитивных обязанностей

Следует отметить, что даже если признаем возможность трактовки прав человека, при которой этим правам будут корреспондировать как негативные, так и позитивные обязанности, возникает ряд других сложностей.

Так, многие ученые замечают, что не всякое моральное требование должно выражаться в правах человека, потому что для постулирования субъективного права важно четко ответить на следующие вопросы: 1) кто является обязанным, а кто управомоченным лицом? 2) что именно обязанное лицо должно сделать для управомоченного? 3) какова санкция за неисполнение обязанным лицом своей обязанности и что именно управомоченное лицо вправе сделать в случае ее неисполнения? И если нет обоснованного ответа на эти вопросы, нельзя говорить о существовании соответствующего субъективного права человека. Скорее, речь будет идти о моральном пожелании, которое возводить в ранг закона следует разве что в качестве цели или принципа.

Противникам такого подхода (Campbell, 2007:62—67) приходится прибегать к словесным уловкам, различая принципы гуманности и справедливости, и пытаюсь основать концепцию прав человека на первом, а не на втором (что только и позволяет считать крайнюю бедность нарушением прав человека вне зависимости от причин, которыми она вызвана). Но представляется, общепринятое понимание прав человека при этом искажается и размывается, так как связывается уже не со справедливостью как идеальным состоянием правоотношений, а с определенными этическими представлениями о хорошо прожитой жизни.

В отношении позитивных обязанностей здесь возникает затруднение, связанное не столько с их «навязанным» характером, сколько с тем, что в отличие от негативных обязанностей, вне рамок конкретных (относительных) правоотношений они, как правило, являются слишком неопределенными, даже если определено корреспондирующее им право, вследствие чего и невозможно принудить лицо к их исполнению. Иными словами, когда мы утверждаем, что каждому нужно сделать что-то для каждого, а не просто воздержаться от чего-то по отношению к каждому, мы вряд ли сможем обосновать нечто большее, чем абстрактные и весьма туманные пожелания; и даже если мы четко определим права, которыми обладает каждый, останется неясным перечень активных действий, которые он вправе потребовать от остальных в обеспечение данных прав. Поэтому позитивные обязанности, как правило, не бывают общими (т.е. не существуют в т.н. абсолютных правоотношениях не потому, что это принципиально неправильно, а потому что такие обязанности крайне сложно сформулировать). Аналогичная ситуация возникает, когда мы говорим об обязанностях некоторой неиндивидуализированной группы лиц или об обязанностях в отношении таковой. Здесь обязанности могут быть изначально определенными, но уточнению подлежат уже сами группы и степень участия каждого из ее членов, и это также невозможно сделать без некоторых институтов и правил (закон должен определить не права и обязанности в абсолютном правоотношении, а субъектов, или, по крайней мере, критерии, делающие этих субъектов потенциально определяемыми (Griffin, 2008:109—110) в относительном правоотношении) (O'Neill, 1996:331—332; O'Neill, 2000:105).

В результате сторонники социально-экономических прав человека и права на достойное существование в частности (Г. Шу, Д. Уолдрон, Э. Эшфорд, Д. Тасиулас, И. Раз, А. Сен и др.) вынуждены отстаивать такое понимание прав человека, которое допускает, что корреспондировать этим правам будут лишь неопределенные обязанности неустановленных лиц, исполнение которых вряд ли возможно без создания соответствующих социальных институтов и принятия конкретизирующих нормативных актов (на вопрос о том, как мы можем в таком случае считать права человека

априори данными, Д. Тасиулас (Tasioulas, 2007:91—93) отвечает, что необходимо различать само право и механизмы его реализации). Это означает, что такие права человека, как право на достойное существование, предписывают нам, по крайней мере, создание институтов и принятие правовых документов. Так, например, борьба с бедностью (а бедность — это один из признаков «недостойного» существования) в развивающихся странах подразумевает создание глобальных распределительных институтов и контролирующих инстанций посредством многосторонних международных договоров, а в идеале — определение степени участия каждого жителя развитых стран. Заметим, однако, что и обязанность по созданию таких институтов и норм сама является крайне абстрактной, то есть проблема остается¹.

Одних ученых этот факт не смущает, и они указывают на то, что права человека изначально появились как требование к социальному институту — государству, без социума же они, как указывали еще Локк и Гоббс, вообще не имели бы смысла ввиду того, что их невозможно было бы реализовать (Reus-Smit, 2009:25—48). Эти ученые полагают, что правам человека могут соответствовать позитивные несовершенные (т.е. не подразумевающие принуждения, а исполняемые лишь по доброй воле субъектов) обязанности неопределенного круга лиц, будь то обязанность по непосредственной помощи другим или по созданию ответственных за такую помощь институтов: общая неопределенность содержания обязанностей компенсируется добровольностью их исполнения (а также выбора форм такого исполнения).

Определению «адресатов прав человека» (т.е. обязанных лиц и институтов) при этом, как правило, уделяется гораздо больше внимания, чем определению «сферы ответственности» каждого из них и их конкретных обязанностей. Д. Никел, например, предлагает комплексное представление об «адресатах прав человека», утверждая, что (1) государства являются главными адресатами прав человека их граждан, с обязанностями уважать и защищать их права человека; (2) государства имеют негативную обязанность уважать права человека граждан других стран; (3) люди несут негативную обязанность не нарушать права человека в своей стране и за границей; (4) люди как избиратели и как граждане несут ответственность за продвижение прав человека в своей стране; и (5) государства, международные организации и частные лица несут резервную (back-up) ответственность за выполнение прав человека во всем мире (т.е. субсидиарную, производную ответственность, если основное обязанное лицо не исполняет свои обязанности) (Nickel, 2005:396). С. Кейни также разрабатывает комплексную теорию ответственности по борьбе с глобальной бедностью, где ответственное лицо зависит от причин возникновения бедности (глобальные, локальные или природные факторы) (Caney, 2007:291—294).

Но другие ученые считают такое понимание прав человека сомнительным. Эта последняя группа ученых хотя и не отрицает позитивных обязанностей как таковых,

¹ Одним из способов преодоления изложенных затруднений относительно носителя обязанности заключается в том, чтобы возложить обязанность, корреспондирующую тому или иному праву, не на отдельных лиц и создаваемые ими учреждения, а на коллектив в целом (например, на семью, народ или часть мирового сообщества). Проблема такого подхода заключается в том, что хотя коллективная ответственность в принципе допустима, но коллективы, так же, как социальные институты, возникают, изменяются и исчезают. И поскольку субъект, на которого возлагаются обязанности, корреспондирующие правам человека, изменив, само право также оказывается очень зыбким. Кроме того, проблема распределения обязанностей внутри самого коллектива в отсутствие общих властных институтов остается. Чрезвычайно сложно решить ее на общенациональном или международном уровне, где явления обусловлены действиями тысяч и миллионов лиц.

но полагает, что корреспондирующие правам человека обязанности необходимо конкретизировать и распределить между обязанными субъектами, и что права человека не могут основываться на несовершенных обязанностях неопределенного круга лиц.

Некоторые попытки преодолеть неопределенность

Пытаясь найти «золотую середину», Т. Погге рассматривает право на средства к существованию (*right to subsistence*) как право не подвергаться воздействию социальных институтов, которые неизбежно ведут нас к крайней нищете, что подразумевает: (1) негативную обязанность каждого непосредственно не лишать людей безопасного доступа к средствам существования; (2) негативную обязанность каждого не быть участником и не извлекать выгоду из социальных институтов, под действием которых люди очевидно лишаются безопасного доступа к средствам существования (Pogge, 2002: 45). Понятно, что под средствами существования понимаются не любые блага, а лишь те, которые связаны с неким «прожиточным минимумом», необходимым для «достойного» существования. Понятно также и то, что наличие доступа к средствам существования не означает фактическое наличие таковых, и что доступ к ним охватывает лишь реалистичные возможности, соответствующие здравому смыслу. Также следует отметить, что лишение доступа к средствам существования может быть прямым или косвенным, обусловленным одним или многими факторами/субъектами одновременно. По-видимому, данная интерпретация не предполагает создание каких-либо новых институтов, но допускает ограничения на существующие институты. На первый взгляд, она концентрируется на негативных обязанностях, поэтому избегает сложных вопросов о трансформации несовершенных обязанностей в совершенные. Но Погге идет дальше, сначала утверждая, что социальный институт несправедлив до тех пор, пока имеются разумные основания полагать, что его можно реформировать таким образом, чтобы обеспечить людям безопасный доступ к средствам существования (и объектам прав человека в целом), а далее настаивая на том, что (3) каждый, кому такой доступ не обеспечен, вправе предъявить соответствующие требования к социальному институту (Tomalty, 2011:100—106).

Э. Эшфорд на примере негативной обязанности не поддерживать несправедливые социальные институты обратила внимание на то, что негативные обязанности также могут быть неопределенными (Ashford, 2007: 215). Она утверждает: то, что делают обычные люди в развитых странах, включая покупку и использование повседневных товаров и услуг, плохо влияет на положение обычных людей в развивающихся странах, поэтому негативная обязанность не совершать какие-либо действия может обернуться в позитивную обязанность полнейшей перестройки своего образа жизни или иную подобную обязанность². (Эта позиция является довольно

² Типичными способами смягчить имеющееся в данном примере напряжение являются отсылки к понятиям причины, вины и противоправности. Во-первых, мы вправе требовать от субъекта устранить лишь те отрицательные последствия, которые вызваны непосредственно его действием или бездействием, и без которого они бы не наступили (хотя при этом не исключается и коллективная ответственность нескольких непосредственных причинителей вреда). Во-вторых, ответственность, по общему правилу, должна быть виновной, а это значит, что вышеуказанные причинно-следственные связи должны быть очевидны для здравого смысла среднестатистического человека. В-третьих, принцип генерального деликта не является общепризнанным, и потому можно принять точку зрения (сейчас мы

распространенной в западной литературе, см. напр. (Lichtenberg, 2009:83—84). Следовательно, делает вывод Эшфорд, разделение на позитивные и негативные обязанности в принципе крайне неоднозначно. На это мы полагаем возможным возразить, что обязанность не совершать какие-либо действия, даже если эти действия являются привычными и обыденными, все же является негативной, так как людям в этом случае не предписывается конкретный образ жизни, который должен прийти на место старому. Вот почему некоторые исследователи трактуют (юридическую) обязанность не поддерживать несправедливые социальные институты узко, как обязанность не участвовать виновно в создании новых несправедливостей, и тем самым пытаются скорректировать позицию Т. Погге (Tomalty, 2011:158). Таким образом, четкий логический критерий разделения негативных и позитивных обязанностей все же существует.

Заключение

Поставленный в начале статьи вопрос, а именно является ли право на достойное существование морально обоснованным, был рассмотрен нами через призму критики данного права. Мы увидели, что многие мыслители согласны рассматривать данное право только в «негативном» смысле, т.е. как право, которому не соответствуют какие-либо позитивные обязанности. В противном случае мы сталкиваемся с проблемой обеспечения и конкретизации указанного права, и нам приходится признавать, что данному праву корреспондируют лишь весьма абстрактные и потому несовершенно (не подлежащие принудительному исполнению) позитивные обязанности неопределенного круга лиц. Конечно, данный взгляд не исключает того, что позитивные обязанности тех или иных субъектов могут быть оправданы с учетом конкретных обстоятельств, однако в целом право на достойное существование может быть оправдано лишь в смысле права, которому никакие определенные обязанности не соответствуют, но тогда не понятно, насколько оно вообще является правом.

Действительно, если рассматривать права человека как неотчуждаемые и данные каждому от рождения, то не остается ничего иного, как принять минималистическую (узкую) трактовку, в соответствии с которой правам человека могут корреспондировать лишь негативные обязанности. Фактически это означает, что права человека как таковые не дают никакой ощутимой гарантии против бедности и связанной с ней уязвимостью человека как морального агента (а именно на преодоление

не обсуждаем ее обоснованность), согласно которой не всякое причинение вреда, а лишь причинение вреда противоправными действиями влечет юридическую ответственности. Каждым из этих трех оснований мы можем обосновать, почему от обычных граждан развитых стран, как правило, не требуется воздерживаться от всех тех действий, которые они совершают ежедневно, ради граждан развивающихся стран. Однако это не препятствует установлению распределительных институтов, которые, не являясь карательными, будут функционировать на основе принципов, не связанных с вредом, виной и причинностью. Их установление не потребует, вопреки Э. Эшфорд, пересмотра теории ответственности, так как будет обусловлено исключительно представлениями о справедливости распределения, а не конкретными фактами нарушения прав человека. На наш взгляд, Эшфорд не улавливает различия между ответственностью и обязанностью: обязанность, в отличие от ответственности, не всегда вызвана правонарушением. Она может протекать, во-первых, из событий (фактов, не связанных с волей конкретных субъектов), во-вторых, действий (выражений воли субъектов, в т.ч. договоров и правонарушений), в-третьих, из их совокупности (в т.ч. такой фактический состав, как неосновательное обогащение), и лишь неправомерные действия влекут ответственность.

такой уязвимости, как правило, и направлена идея «достойного» существования в работах западных ученых), но они, по крайней мере, запрещают другим использовать данную уязвимость в корыстных целях. Сказанное не исключает того, что в целом субъективным правам могут корреспондировать также и позитивные обязанности, но это возможно, как правило, лишь в относительных правоотношениях (т.е. в тех, где четко определена каждая из сторон), и, во всяком случае, при наличии известных социальных институтов, регламентирующих данные обязанности и ответственность за их неисполнение. В зависимости от тех или иных обстоятельств, связанных с целями и реальными возможностями существующих конкретных социальных институтов, известностью причинно-следственных связей, виновностью и т.п. факторами, многие позитивные обязанности (в т.ч. корреспондирующие социально-экономическим правам, таким как право на достойное существование) могут являться настоятельными требованиями справедливости (а значит, и закрепление права на достойное существование в правовых документах вполне может оказаться обоснованным). Поэтому проблема достойного существования не чужда теории справедливости, но не всегда релевантна теории прав человека.

Конечно, допустимы различные подходы к осмыслению прав человека. Анализируя общепризнанные на сегодняшний день права человека, можно заключить, что подавляющее большинство из них предполагает не только существование социальных институтов, но и конкретные социальные и природные факторы, в условиях которых эти права были закреплены. Поэтому социально-экономические права, связанные с достойным существованием, *de jure* имеют такой же статус, как и иные права человека. Но если мы говорим о совершенно безусловных и принадлежащих каждому человеку правах, то таким правам, по всей видимости, могут соответствовать лишь негативные обязанности.

Однако не подменяет ли такой вывод существа проблемы? Ведь задача состоит в том, чтобы понять, справедливо ли предоставить в данных конкретных обстоятельствах каждому человеку право на достойное существование, а не в том, принадлежит ли такое право каждому в силу рождения, т.е. априори.

Полагаем, что данный вопрос может быть отчасти разрешен не в рамках дискуссий о природе прав человека, как это происходит в западной науке, а путем заимствования отдельных юридических конструкций. Мы могли бы, например, задаться вопросом, насколько действия развитых стран и их граждан способствуют отсталости менее развитых стран и их граждан (ср. с деликтными обязательствами в гражданском праве), и в какой мере первые своим богатством обязаны вторым (ср. с кондикционными обязательствами в гражданском праве). Мы можем поставить вопрос о том, насколько добровольно заключались те или иные международные договоры (ср. с договорными обязательствами в гражданском праве и основаниями признания сделок недействительными). Все эти вопросы имеют отношение к справедливому разрешению проблемы обеспечения достойного существования; схожие вопросы можно ставить и на внутригосударственном уровне. Так, мы могли бы задаться вопросом, не стал ли человек обездоленным в результате противоправных действий других людей или в результате собственных решений, принятых в ситуации, при которой эти решения нельзя считать осознанными и добровольными. Но сама постановка данных вопросов означает, что проблема достойного существования может быть решена и без постулирования данных каждому от рождения безусловных социально-экономических прав, в том числе права на достойное существование.

Деликтное право подразумевает, что если я причинил вред, я должен его возместить. Договорное право исходит из того, что несвободно взятое на себя обязательство недействительно. Наконец, конструкция кондикционного обязательства означает, что если я неосновательно обогатился за чей-то счет, я должен вернуть полученное. Представляется, что соответствующие юридические конструкции могут быть экстраполированы на публичную сферу с целью показать правомерность или неправомерность имеющихся условий существования.

Кроме того, следует рассмотреть проблему достойного существования в более широком контексте теории распределяющей справедливости (т.е. в контексте моральных дискуссий об общих принципах распределения материальных благ, а не о каком-то «минимуме» таких благ, на который якобы имеет право каждый). Понятно, что обеспечение достойного существования не сводится к предоставлению материальных благ, однако связь здесь достаточно сильная. Одним из ответов на проблему распределения материальных благ является т.н. «принцип различия», сформулированный Дж. Ролзом, и согласно которому распределение доходов и богатств должно производиться к наибольшей выгоде наименее успешных лиц. Конечно, указанный принцип подвергался многочисленной критике в научной литературе, и в нашу задачу здесь не входит рассмотрение его обоснованности. Но важно подчеркнуть, что этот принцип, во-первых, обосновывается Ролзом на достаточно абстрактном уровне, во-вторых, сам по себе не связан с категорией прав человека, в-третьих, избегает свойственной праву на достойное существование проблемы определения «достойного минимума». Сказанное, по крайней мере, демонстрирует, что теория распределяющей справедливости может быть продуктивной в решении проблем, на решение которых изначально направлена идея права на достойное существование. Возможно, это так же означает, что столь часто критиковавшийся учеными ролзовский принцип различия имеет большие шансы на «реабилитацию».

Таким образом, современные дискуссии в западной науке показывают, что право на достойное существование может получить универсальное обоснование лишь в «негативном» смысле, и в любом случае сталкивается с проблемой определения критериев достойного существования. В «позитивном» смысле право на достойное существование может быть оправдано лишь с учетом конкретных обстоятельств, т.е. любые попытки обосновать данное право как универсальное следует считать несостоятельными. Однако те моральные проблемы, на решение которых направлено постулирование данного права, могут быть решены, во-первых, путем экстраполяции некоторых конструкций частного права на уровень публичного права, во-вторых, путем справедливого распределения материальных благ (таким образом, речь должна идти не столько о том, что такое «достойное существование», сколько о том, каковы принципы справедливого распределения имеющихся материальных благ). Именно этого не учитывают современные теоретики права на средства к существованию, свободы от бедности и т.п. идеалов, что демонстрирует ограниченность их подхода, и не позволяет им найти оптимальное теоретическое решение моральных проблем, ради которого эти идеалы и провозглашаются.

References / Список литературы

- Ashford, E. (2007) The duties imposed by the human right to basic necessities. In: Pogge, T. (ed.) *Freedom from poverty as a human right: who owes what to the very poor?* New York, Oxford University Press, pp. 183—218.

- Beitz, Ch.R. (2009) *The idea of human rights*. New York, Oxford University Press.
- Campbell, T. (2007) Poverty as a violation of human rights. In: Pogge, T. (ed.) *Freedom from poverty as a human right: who owes what to the very poor?* New York, Oxford University Press, pp. 55—74.
- Caney, S. (2007) Global poverty and human rights. In: Pogge, T. (ed.) *Freedom from poverty as a human right: who owes what to the very poor?* New York, Oxford University Press, pp. 275—302.
- Gilbert, P. (2009) The feasibility of basic socioeconomic human rights: a conceptual exploration. *The Philosophical Quarterly*. (59), 659-681.
- Griffin, J. (2008) *On human rights*. New York, Oxford University Press.
- Hessen, S.I. (1999) *Selected works*. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 812 с.
- Lichtenberg, J. (2009) Are there any basic rights? In: Beitz, Ch.R. & Goodin, R.E. (eds.) *Global basic rights*. New York, Oxford University Press, pp. 71—91.
- Nickel, J.W. (2005) Poverty and rights. *The Philosophical Quarterly*. (55), 385—402.
- Novgorodtsev, P.I. (2010) *Selected works*. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
Новгородцев П.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 959 с.
- O'Neill, O. (1996) *Towards justice and virtue: a constructive account of practical reasoning*. Cambridge, Cambridge University Press.
- O'Neill, O. (2000) *Bounds of justice*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Payne, M. (2008) Henry Shue on basic rights. *Essays in Philosophy*. 9 (2), 220—227.
- Pogge, T. (2002) *World poverty and human rights: cosmopolitan responsibilities and reforms*. Cambridge, Polity Press.
- Pogge, T. (2005) World poverty and human rights. *Ethics & International Affairs*. 19 (1), 1—7.
- Rawls, J. (2010) *A theory of justice*. Moscow, LKI Publ. (in Russian)
Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.
- Reus-Smit, C. (2009) On rights and institutions. In: Beitz, Ch.R. & Goodin, R.E. (eds.) *Global basic rights*. New York, Oxford University Press, pp. 25-48.
- Sen, A. (1982) *Poverty and famines: an essay on entitlement and deprivation*. New York, Oxford University Press.
- Shue, H. (1980) *Basic rights: subsistence, affluence and U.S. foreign policy*. Princeton, Princeton University Press.
- Tasioulas, J. (2007) The moral reality of human rights. In: Pogge, T. (ed.) *Freedom from poverty as a human right: who owes what to the very poor?* New York, Oxford University Press, pp. 75—102.
- Tomalty, J. (2011) *On subsistence and human rights*. PhD Thesis. University of St. Andrews.

Сведения об авторе:

Шавеко Николай Александрович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук; Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16

ORCID ID: 0000-0002-5481-7425; ResearcherID: K-4637-2018; SPIN-code: 3004-0891
e-mail: Nickolai_91@inbox.ru

About the author:

Nikolai A. Shaveko — Candidate of legal sciences, researcher of the Institute of philosophy and law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16 S. Kovalevskaya str., Yekaterinburd, 620108, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5481-7425; ResearcherID: K-4637-2018; SPIN-code: 3004-0891
e-mail: Nickolai_91@inbox.ru